

ны характеристики таких элементов системы стимулирования и организации труда работников с детьми, как режим работы и отдыха, гарантии при осуществлении трудовой деятельности и существующие меры материального и нематериального стимулирования.

3. Таким образом, в условиях сложившейся демографической ситуации и конкурентного рынка труда проблема взаимодействия профессионального и родительского труда лиц с семейными обязанностями является особенно актуальной. В связи с этим необходимо проведение исследования, позволяющего выявить основные вызовы, с которыми сталкиваются родители при реализации своей профессиональной деятельности. Для всестороннего изучения вопроса и достижения поставленной цели целесообразным представляется использование комплекса методов сбора информации. В этом случае возможно учесть представления не только работников, но и работодателей на эту проблему; анализ же коллективных договоров организаций позволит сделать вывод о том, насколько эффективно реализуются уже существующие механизмы поддержки работников с детьми. Полученные результаты такого исследования будут способствовать выработке действенных мер государственного регулирования занятости работников с детьми.

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Литература

1. Антонов А. И. Родительский труд — это такой же профессиональный труд // Фонд Андрея Первозванного. URL: <http://fap.ru/press-center/articles/antonov-roditelskiy-trud-eto-takoy-zhe-professionalnyy-trud/> (дата обращения: 20.02.2020).

2. Российский статистический ежегодник — 2019: стат. сб. // Росстат. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

3. Багирова А. П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона: монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 271 с.

УДК 316.7

Бритвина И. Б.

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН

Аннотация: актуальность статьи связана с необходимостью обобщения опыта успешности интеграционных процессов в части внешней миграции на территорию России, т. к. ее масштабность и поли-

тические задачи по приему мигрантов заставляют изучать эту проблему. Ряд эмпирических исследований позволил выделить особенности культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и жителей Екатеринбурга. Культурная интеграция среди других видов интеграции определяется как основа социального сближения групп, принадлежащих к разным этносам и проживающих на одной территории.

Ключевые слова: культурная интеграция, иноэтничные мигранты, Центральная Азия, Екатеринбург, опрос.

Britvina I. B.

CULTURAL INTEGRATION OF NON-ETHNIC MIGRANTS AND RUSSIANS

Abstract: the relevance of the article is connected with the need to generalize the success of integration processes in terms of external migration to the territory of Russia, since its scale and political tasks for the reception of migrants make it necessary to study this problem. A number of empirical studies have highlighted the cultural integration of migrants from Central Asian countries and residents of Ekaterinburg. Cultural integration among other types of integration is defined as the basis for social convergence of groups belonging to different ethnic groups and living on the same territory.

Keywords: cultural integration, non-ethnic migrants, Central Asia, Yekaterinburg, survey.

Проблема интеграции иноэтничных мигрантов и россиян не теряет своей актуальности на протяжении первых двух десятилетий XXI века в силу того, что потоки внешних мигрантов на территорию России не прекращаются. Задача интеграции россиян и мигрантов из других стран обозначена в общенациональных проектах и коррелирует не только с проблемой нехватки трудовых и демографических ресурсов, но и с задачей сохранения безопасности на территории России.

Культурная интеграция является основой социального сближения групп, принадлежащих к разным этносам и проживающим на одной территории. Культурную интеграцию мы выделяем наряду с гражданской (общероссийской), социальной и экономической интеграциями, имея в виду понимание и принятие поведенческих норм и ценностей этнической культуры других групп, вступающих во взаимодействие в процессе адаптации друг к другу.

В западной и отечественной литературе уделяется большое внимание проблеме интеграции внешних мигрантов и принимающего сообщества. Западные теоретики многосторонне исследуют различные аспекты влияния отношения принимающего сообщества на аккультурацию и натурализацию мигрантов. Г. Вайсман и Б. Ларсен на примере иммигрантов в Швеции показывают, что на доходы и в целом на качество жизни переселенцев влияет отношение к мигрантам со стороны местного населения [1]. Опросы в США показали взаимосвязь восприятия местными жителями нелегальных иммигрантов с проблемой ощущения безопасности собственного существования [2]. Такую же взаимосвязь выделил и В. А. Понизовский, анализируя в рамках Европейского социального исследования (ESS) ситуацию в 25 странах [3].

С. Карлсен и Дж. Назроу, исследуя идентификации ряда этнических меньшинств в Великобритании, выявили проблему влияния социальной изоляции на способность групп этнических и религиозных меньшинств чувствовать себя частью принимающего сообщества. Их вывод сводится к тому, что более актуальной является проблема последствий маргинализации иноэтничных мигрантов в местных сообществах, чем проблема негативных итогов сохранения ими культурных традиций, т. к. это препятствует взаимной социальной интеграции.

В отечественной литературе много работ посвящено проблемам отношения принимающего сообщества к мигрантам, где его отрицательный аспект объясняется прежде всего конкуренцией на рынке труда: внешние мигранты не только занимают рабочие места, по праву принадлежащие россиянам, но и снижают уровень оплаты труда в сферах обслуживания, строительства и транспорта. Ряд авторов обращается к стратификационным характеристикам членов принимающего сообщества и мигрантов, исследуя их взаимоотношения [4; 5]. Утверждается, что чем ниже социальный статус и доходы членов принимающего сообщества, тем более негативно они относятся к приезжим, осложняя интеграционные процессы [6, с. 60]. Исследователи, изучая проблемы взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов, берут во внимание и такие критерии, как пол, возраст, образование членов принимающего и мигрирующего сообществ. Однако, некоторые утверждают, что такие характеристики не оказывают влияния или действуют противоречиво на характер этих отношений [7, с. 11–12]. Многие авторы пишут о влиянии СМИ на негативное отношение к приезжим. Проблемы культурной интеграции мигрантов и россиян отражены в научной литературе. Так, например, А. В. Дмитриев исследовал негативную стереотипизацию мигрантов как элемент культуры в условиях роста конфликтогенности [8]. Исследуется и влияние межэтнических установок россиян на отношение к приезжим [7; 9]. Отечественные авторы изучают влияние идентичности россиян на их отношение к внешним мигрантам и приходят к выводу, что существует тесная связь между общегражданской идентичностью россиян и их отношением к мигрантам [5; 7].

Наиболее острой проблемой в плане культурной интеграции иноэтничных мигрантов и россиян является проблема роста доли мигрантов из Центральной Азии, которые принадлежат к титульному населению этих стран (Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан и Туркменистан). Приток мигрантов из этого региона является доминирующим как в доле внешних мигрантов, так и в доле мигрантов из стран СНГ и ближнего зарубежья в целом. Например, только из стран ближнего зарубежья за 2018 г. в Россию въехало более 12 млн человек. Большинство мигрантов из этих стран — выходцы из стран Центральной Азии (67,7%), прежде всего это мигранты из Узбекистана и Таджикистана (около 7 млн чел.).

Группа исследователей (включая и автора статьи) на протяжении последних лет провела ряд опросов: анкетный опрос жителей Екатеринбурга в 2016 г. ($n = 485$) и в 2019 г. ($n = 476$); опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии в 2017 г. ($n = 231$) и в 2019 г. ($n = 222$); глубинные интервью с жителями Екатеринбурга ($n = 33$), с иноэтничными мигрантами ($n = 19$), с экспертами ($n = 8$). Обобщая данные этих исследований, можно выделить ряд особенностей культурной интеграции жителей Екатеринбурга и мигрантов из стран Центральной Азии.

Прежде всего, нужно сказать о разнице в восприятии членов обеих общностей с точки зрения этничности противоположной стороны. Так мы выявили, что этнические казахи, по сравнению с другими этносами стран Центральной Азии, в представлении россиян имеют более низкий индекс по шкале социальной дистанции Э. Богардуса (4,49). Самый высокий индекс по оценке екатеринбуржцев имеют этнические таджики (5,25). С другой стороны, присутствует обобщенное восприятие этносов с обеих сторон на основе отсутствия культурной дифференциации в типично-региональных образах. Так, жители Екатеринбурга не дифференцируют представителей региона Центральной Азии ни внешне, ни по языкам, не знают отличий в их культурах. 76,1 % респондентов сообщили, что не отличают языки этих этносов друг от друга. 70,7 % опрошенных жителей Екатеринбурга не знают о культурных особенностях этносов Центральной Азии. Мигранты из этого региона, в свою очередь, определяют свое отношение к местным жителям на уровне «русские», находясь фактически в пространстве российской культуры.

Мы получили данные о слабом влиянии на интеграционные процессы половозрастных характеристик обоих сообществ. Наиболее сильное влияние, по нашему мнению, оказывает образовательный фактор. Так, например, образованные мигранты чаще, чем представители других образовательных групп, хорошо знают русский язык (76,9 %) и российские законы (75,4 %); привыкли к жизни в Екатеринбурге (60 %); имеют желание переехать в Россию на постоянное место жительства (56,9 %); имеют друзей и родственников в Екатеринбурге (67,7 %); узнают новости про русских, про Россию при общении с местными жителями (73,8 %); не имеют национальных предубеждений (75,4 %). Отношение к мигрантам из этого региона со стороны екатеринбуржцев не различается ни у половых, ни у возрастных групп.

Выделяя два уровня анализа культурно-интеграционных процессов (ментально-ценностный и поведенческий), мы пришли к выводу, что ценностный уровень не выявляет глубоких проблем в культурной интеграции. Так, например, обе общности продемонстрировали в основном совпадение по таким ценностным позициям, как «семья» и «здоровье» (на уровне терминальных ценностей по М. Рокичу). Высокую позицию занимают такие ценности, как «дружеское общение» и «материальное благополучие». Основные отли-

чия друг у друга фиксируют мигранты и местное население на уровне поведенческих практик. По мнению жителей Екатеринбурга, мигранты из Центральной Азии отличаются в своих культурных привычках от местных жителей прежде всего в сфере взаимоотношения полов (34,2%), а также в бытовых привычках (30,5%). Сами мигранты отрицательно оценивают прежде всего неуважительное отношение россиян к пожилым людям и слишком свободное поведение женщин («курят», «слишком открыты в одежде» и т. д.), воспроизводят негативный стереотип о распространении в России привычки употреблять спиртные напитки.

Проблемой интеграции является и стереотипное восприятие всех мигрантов как единой общности без дифференциации их намерений, мотивации и поведения. Так, мигранты, желающие жить в России, и мигранты, приехавшие на временные заработки, культурно воспринимаются местными жителями одинаково, и нежелание временных мигрантов интегрироваться распространяется в представлении горожан на всех мигрантов, что является еще одной особенностью культурной интеграции. Россияне, занимая позицию «хозяев», ждут от мигрантов культурных изменений, видимых в бытовом и профессиональном поведении:

«Они приезжают в Россию. В России своя культура. Они ее как минимум должны учитывать и под нее подстраиваться» (женщина, 43 года, г. Екатеринбург).

Контент-анализ высказываний россиян об отношении к мигрантам из стран Центральной Азии также показал влияние стереотипов и установок на их мнение. Так, подкатегория «защита мигрантов, в т. ч. осуждение местных за плохое отношение к мигрантам» заняла 14,3% высказываний. В противовес ей другие подкатегории оказались гораздо весомее: например, «обвинение мигрантов в действиях, приносящих вред, негативных личных качествах» (34,8%); «оценка мигрантов как ненужных России» (26,5%).

Сами екатеринбуржцы готовы культурно меняться лишь отчасти, ради безопасности для себя и своей семьи. Обе стороны имеют слабую мотивацию к интеграции:

«В общем-то, я бы не хотела сама с ними общаться, не хочу ходить к ним в гости, хотя они приглашают, не хочу обмениваться с ними какими-то презентами» (женщина, 37 лет, г. Екатеринбург).

Позицию мигрантов в целом можно охарактеризовать как ориентацию на ограниченную культурную интеграцию в рамках необходимых языковых и поведенческих практик для осуществления трудовых функций. Мигранты чаще склонны к присвоению только общегражданской идентичности. Позицию жителей Екатеринбурга (как принимающего сообщества) можно охарактеризовать «негативно ограниченной», т. к. ни культурно, ни политически, ни социально они не ориентированы на прием мигрантов, не понимая целе-

сообразности их присутствия. Лишь часть российских работодателей имеют экономическую мотивацию на прием мигрантов из этого региона.

Таким образом, культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии и россиян имеет особенности, которые во многом обусловлены отсутствием мотивации на сближение, недостаточной информированностью друг о друге, широким распространением негативных стереотипов о миграционных процессах и об этнических группах, связанных с ними.

Материалы статьи подготовлены автором при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00467.

Литература

1. Waisman G., Larsen, B. Income, Amenities and Negative Attitudes // *IZA Journal of Migration*. 2016. Vol. 5. Iss. 8. P. 1–32.
2. Simpson J. J., Simpson P. M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists // *Tourism Management*. 2016. Vol. 57. P. 373–386.
3. Ponizovskiy V. A. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 2. С. 256–272 (на англ. яз.).
4. Васильева О. В. Влияние социально-экономического статуса населения северо-востока России на отношение к мигрантам // *Мир России*. 2019. Т. 28. № 4. С. 152–171.
5. Мукомель В. И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57
6. Гудков Л. Д. Почему мы не любим приезжих? // *Мир России*. 2007. Т. 16. № 2. С. 48–82.
7. Дробизева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
8. Дмитриев А. В. Конфликтogenность миграции: теоретические и практические проблемы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 1. С. 16–29.
9. Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.

УДК 316

Судьин С. А.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: на основе статистических данных приводится анализ процесса воспроизводства населения в Нижегородской области в контексте актуальных мер региональной демографической политики. Делается вывод о депрессивной демографической ситуации в регионе по сравнению с общероссийскими показателями. Критикуется выбранная областным руководством ориентация на стимулирование рождаемости как альтернативы сохранения населения в условиях высокой смертности в трудоспособных возрастах.